

- После моей смерти, пожалуйста, похороните меня вместе с моей женой.

- Где?

- Место такое-то...

Запомнив это важное место, Хаяси Макото вздохнул.

- Кроме этого, у тебя есть ещё какие-нибудь последние слова?

В этот момент Цугикуни Ёриити уже не мог говорить внятно.

Он тяжело дышал.

Наконец, он с трудом выдавил из себя обрывок фразы.

- Те... кто... достигают... пути...

- Ты имеешь в виду: «Все, кто достигают мастерства на своём пути, приходят к одному»?

- ...

- С миром.

Пятнадцать минут уже прошли.

Цугикуни Ёриити сидел на земле с опущенной головой.

В нём уже не было признаков жизни.

Он выглядел как монах, достигший нирваны.

Порыв ветра прошёл по сломанной бамбуковой роще, шевеля листву и издавая тихий шелест.

Макото ждал очень долго.

Даже до самого конца он не приблизился к телу Цугикуни Ёриити.

Издалека он бросил зажигательное устройство.

Он сжёг тело Ёриити и всю бамбуковую рощу дотла.

Внутри великолепного европейского зала большая группа элегантных и чопорных вампиров поднимала бокалы, болтая и смеясь.

- Как гласит древняя поговорка, одна капля эссенции равна десяти каплям крови.

Прародитель вампиров поднял свой бокал к Макото и рассмеялся.

- Посмотри на этот бокал. Он такой густой, что почти как мышьяк, способный уничтожить тринадцать душ. Понюхай этот чудесный аромат. Это сокровище божественного уровня, так что я позволю тебе выпить его, парень!

Макото закрыл нос.

Даже если бы его забили до смерти, он не хотел чувствовать даже малейшего запаха этого цветка Photinia.

С ужасом на лице он покачал головой.

Он поклялся, что никогда не выпьет эту чашку белой, вязкой жидкости.

- Вздох. Дикий кабан действительно не может оценить хорошее зерно.

Прародитель вампиров махнул рукой.

- Если не можешь пить белое, иди за детский столик!

Макото почувствовал себя помилованным.

Он быстро сел за детский столик.

За этим столиком было довольно много знакомых лиц.

Евангелина, «Первое объятие под луной», Ремилия, Крул...

Но как только он сел, он увидел, как эти маленькие девушки-вампиры одаривают его

похотливыми улыбками.

- О!!

- Нет!!

- Чёрт возьми, мне приснился кошмар.

При первых лучах утреннего света Макото проснулся внутри простого временного деревянного домика.

Вспоминая сцену из сна, он не мог не потереть лоб.

- Какой нелепый кошмар!

- Это всё из-за Кибуцудзи Макото. Его воспоминания о питье крови влияют на качество моего сна!

- Вставай. Время сегодня снова идти на дежурство!

Наскоро позавтракав, Макото продолжил своё день за днём ожидание.

Он ждал появления так называемой Голубой паучьей лилии.

Из-за этого он не мог всё время оставаться в основном мире и наслаждаться жизнью.

Всякий раз, когда он покидал мир, время в этом мире останавливалось.

Другими словами, если он хотел, чтобы время в мире текло нормально, он должен был честно оставаться в этом мире.

Эта черта перемещения имела как преимущества, так и недостатки.

Он надел тот же тип охотничьего одеяния, что и Кибуцудзи Макото, и оделся как онмёдзи.

Затем он вышел из деревянного домика и направился к ближайшей горе.

По пути, встречая местных фермеров, он кивал им в знак приветствия.

- Доброе утро, Шомон-сама. Вы очень рано встаёте.

Такие приветствия раздавались вдоль дороги.

Начиная с периода Камакура, профессия онмёдзи, которая когда-то служила только высшему классу, постепенно проникла в простой народ.

К эпохе Сэнгоку она слилась с буддизмом, синтоизмом и другими традициями.

Они часто проводили гадания, молитвы и выбор благоприятных дат для простых людей.

Чтобы отличить их от некогда благородных онмёдзи, простые люди называли таких народных практиков «Шомон».

Местные жители знали только, что этот молодой Шомон-сама появился больше десяти дней назад.

Он утверждал, что был другом Цугикуни Ёриити и специально принёс его прах для захоронения.

- Ёриити и я были друзьями, прошедшими через жизнь и смерть вместе!

Макото сказал это с абсолютной уверенностью.

В горах.

Была старая могила.

На ней стояла деревянная табличка с вырезанными словами: «Могила жены Уты и ребёнка».

Рядом была построена новая могила.

На могиле стояла совершенно новая каменная плита.

Макото вырезал слова пальцем.

«Могила моего друга Цугикуни Ёриити. Воздвигнуто Кибуцудзи Макото».

Главной темой была преданность, достаточно глубокая, чтобы принять клинок за друга, и

дружба, столь же близкая, как у старых товарищей при первой встрече.

Макото сидел перед двумя могилами, чувствуя холодный и одинокий горный ветер.

Он скучающе ждал.

Он ждал, когда солнце достигнет самой высокой и самой жаркой точки дня.

- Я торчу здесь уже больше десяти дней и всё ещё ничего не нашёл.

Макото вздохнул.

- Голубая паучья лилия, о Голубая паучья лилия, выходи скорее. Хватит капризничать. Хватит играть со мной в прятки!

Если посмотреть на весь сюжет «Истребителя демонов», было только два подробных источника происхождения так называемой Голубой паучьей лилии.

Одним была гора за домом семьи Камадо четыреста лет спустя.

Другим...

Было место вокруг могилы жены Цугикуни Ёриити.

Но эти два места на самом деле были одним и тем же местом.

Вот почему Макото намеренно подтолкнул Цугикуни Ёриити к тому, чтобы он высказал своё последнее желание.

Если он хотел найти Голубую паучью лилию, он должен был знать, где похоронена жена Ёриити.

- Если я всё ещё не найду её здесь, мне придётся отправить людей на поиски.

- Цветок, который цветёт только тогда, когда солнце находится в самой сильной точке, и также имеет очень заметный сине-зелёный цвет...

- Пока я знаю эти две характеристики, и пока у меня достаточно людей, я отказываюсь верить, что не смогу его найти.

У него была сила.

У него были деньги.

Макото не будет испытывать недостатка в людях.

– Вздох... Раз уж дело зашло так далеко, я, пожалуй, сначала почитаю буддийские сутры.

Он читал сутру школы Хуаянь, главу о совершенном проникновении бодхисаттвы Махастхамапрапты через памятование о Будде.

Под звуки переворачиваемых страниц время медленно текло.

Туман вдалеке внезапно рассеялся.

Молодой человек в фиолетовом кимоно с узором из питонов и чёрных верховых хакама быстро приближался.

Но его ноги не издавали ни звука.

Он был очень похож на Цугикуни Ёриити.

Тот же контур лица.

Тот же тёмно-красный высокий хвост.

Но в его глазах не было покоя Ёриити.

Он тихо подошёл к Макото.

Увидев, что тот читает, он не осмелился заговорить, чтобы не беспокоить.

Вместо этого он тихо опустился на одно колено и склонил голову, не смея показывать нежелание и амбиции, наполнявшие его глаза.

– Я помню, в давние времена, в калпах, столь же бесчисленных, как песчинки Ганга, в мире появился Будда по имени Бесконечный Свет.

– Двенадцать Татхагат появились последовательно через одну кальпу, и последний Будда был

назван Свет, превосходящий Солнце и Луну...

- В моём изначальном причинном основании я вошёл в невозникновение через ум памятования о Будде.

- Теперь в этом мире я собираю тех, кто практикует памятование о Будде...

- Собирая все шесть корней и продолжая чистое памятование, обретаешь самадхи. Это самое главное.

- Цугикуни Митикацу.

Пережёвывая эти слова из сутры, которые звучали глубоко, даже если он не совсем их понимал, Макото внезапно назвал имя молодого мечника.

Затем он улыбнулся и спросил: - Знаешь ли ты бодхисаттву Махастхамапрапту, одного из Трёх Святых Запада?

- Этот подчинённый не понимает буддийских сутр. Я истинно не знаю.

- Когда этот бодхисаттва ступает, все миры десяти направлений сотрясаются. Поэтому его называют Махастхамапрапта, Прибытие Великой Силы.

- Он подчиняет всех существ устрашающей силой.

- Проще говоря, всякий раз, когда этот бодхисаттва делает один шаг, весь трёхтысячный великий мир испытывает шесть видов движения.

- Шесть видов движения?

- Движение, волнение, подъём, сотрясение, рёв, пробуждение.

Макото слабо улыбнулся.

- Это также называется...

- Шесть движений неба и земли.

...

<http://erolate.org/book/1131/131205>